

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ проф. П. Н. ТРЕТЬЯКОВА «ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ПЛЕМЕНА»

Вышедшая в 1948 г. в научно-популярной серии АН СССР книга проф. П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена» вызвала живой интерес историков и археологов. Книга посвящена важнейшему разделу истории нашей родины — истории восточнославянских племен, предков русского, украинского и белорусского народов. В этой работе П. Н. Третьяков, опираясь на достижения советских историков и археологов, и в том числе на свои многолетние исследования, впервые нарисовал широкую картину истории восточнославянских племен от древнейших времен до VII—VIII вв. — периода, непосредственно предшествовавшего образованию Киевского государства.

Исследование состоит из трех частей. Часть первая посвящена происхождению славян (стр. 5—37). Автор доказал, в свете новых исторических данных и археологических открытий, несостоятельность индоевропейской теории славянского этногенеза и обосновал новую теорию. Проследив историю древнейших племен Восточной Европы от неолита до первых веков нашей эры, автор особо выделил автохтонные земледельческие племена и их роль на первом этапе этногенетического процесса. Автор выделил две группы древнеславянских племен. Южная группа — более монолитная и развитая в социально-экономическом и культурном отношении, и северная — относительно более отсталая.

Вторая часть книги — славянские племена в эпоху «Великого переселения народов» (стр. 58—106). Автор охарактеризовал «Великое переселение народов», исследовал взаимоотношения готов и гуннов со славянскими племенами, антов и склавинов, их хозяйственный и общественно-политический строй, влияние балканских войн VI—VII вв. на жизнь славянских племен. Он пришел к выводу, что в VI—VII вв. граница между северными и южными славянскими племенами «заколебалась, и начала создаваться уже вполне ощутимая непосредственная историческая общность восточного славянства». При этом автор, вопреки индоевропейской теории, считавшей, что западное, восточное и южное славянство первоначально составляло совершенно однородный этнический массив, подчеркнул постепенное складывание общности славян в различных конкретно-исторических обстоятельствах.

Третья часть — «Восточнославянские племена накануне возникновения древнерусского государства» (стр. 107—178). В этой части автор подробно, путем привлечения огромного археологического материала, исследовал отношения антов и руссов, различные группы славянских племен «Повести временных лет», экономический и социальный строй восточных славян в VII—IX вв. и славянские племена на Дону и Тамани. Автор пришел к выводу, что анты были не единственными предшественниками Киевской Руси. Восточное славянство вступило в политическую историю двумя волнами: первой — антской, охватившей преимущественно лишь юго-западную часть славянских племен, и второй — могучей волной руссов, представляющих в VII—IX вв. уже всю огромную массу восточного славянства. Автор подчеркнул неоднородность культуры восточных славян в этот период. Важнейшими конкретно-историческими условиями, в которых складывалось русское государство, автор считает: «Продвижение восточного славянства в VIII—IX столетиях на юг, осуществленное племенами, бывшими в антскую эпоху обитателями отдаленной периферии, активное выступление этих племен в Причерноморье под именем руссов, их отношение к хазарскому каганату, наконец, их последующее объединение с потомками антских племен днепровского правобережья».

Во вступительном слове на заседании ученого совета ИИМК АН СССР при обсуждении книги П. Н. Третьяков отметил, что его книга является, с одной стороны, подведением итогов исследований советских историков, археологов и этнографов в области этногенеза славян, а с другой стороны — изложением его собственной концепции и результатов его исследований по этому вопросу. Издание книги в научно-популярной серии объясняется стремлением не перегружать ее конкретно-археологическим

материалом и тем самым сделать ее доступной не только для археологов, но и для широкого круга историков.

Открывший обсуждение проф. Б. А. Рыбаков в основном согласился с выводами автора. Однако, — сказал он, — чтобы сделать книгу, в особенности I часть, по-настоящему популярной, ее следовало бы проиллюстрировать большим количеством фактов из археологического материала.

Ценность книги, указал Б. А. Рыбаков, заключается в том, что в ней изложена от начала до конца единая концепция. Для книги характерна широкая историческая перспектива, целенаправленность, последовательная борьба и разоблачение ложных буржуазных теорий, как, например, теории «прародины», «миграционной теории» и т. д. Чрезвычайно важен целиком доказанный автором вывод о существовании южной и северной групп восточных славян. Только тогда грань между двумя группами стерлась, когда культура их уравнилась, стало возможно политическое объединение, которое началось в VI в. и завершилось образованием Киевского государства. Автор правильно подчеркнул влияние гунского и аварского нашествий на уклад жизни восточнославянских племен, что часто недооценивается. Новым и интересным является взгляд П. Н. Третьякова на этногенез южных славян, в частности убедительно показана значительная роль восточнославянских элементов в формировании народов Балканского полуострова. Мысль автора о сохранении пережитков некоторых старых племенных делений у современных восточных славян и о возможности изучения их лингвистами и этнографами совершенно правильна, но очень неточно сформулирована. Вызывает возражение признание П. Н. Третьяковым недоброкачества поздних курганных материалов. Для решения вопросов славянского этногенеза, для выяснения племенных границ важны и поздние курганные материалы и даже материалы XIX—XX вв., как, например, особенности русского, украинского и белорусского костюмов, которые должны изучаться диалектически в ретроспективном плане.

Разногласия у Б. А. Рыбакова с автором имеются прежде всего по двум вопросам: Б. А. Рыбаков считает неправильным определение антов как юго-западной правобережной группы племен (поляне, древляне и т. д.). Поляне гораздо больше связаны с левобережными племенами, а поля погребений, по которым автор объединяет правобережные племена, имеются и на левом берегу, доходя до Харькова. Разделение на правобережные и левобережные племена для VI—VII вв., при котором последние исключаются из антского союза, не обосновано.

За последние годы вопрос о Руси вновь оживился. Появился целый ряд специальных работ и исследований Тихомирова, Третьякова, Толстова. Теория северной Руси отжила свои дни, а вопрос о южной Руси становится на твердую почву. Автор приводит различный материал, особенно ценный топонимический (содержащий корень — рос или рус), убедительно свидетельствующий в пользу теории южной Руси. В районе рек Рось (приток Днепра), Росавы, Рос-Оскола, впадающей в Северный Донец, для VI—VII вв. имеется ряд категорий древностей, которые можно связывать с русами или славянами. Территория, обозначенная топонимическими названиями рос, — это лесостепной прямоугольник между Днепром и Доном. Б. А. Рыбаков указывает, что на этой территории найден ряд кладов — поясные наборы, пальчатые фибулы, височные кольца, знаки, которые можно рассматривать как отдаленный прототип знаков Рюриковичей. По женским украшениям можно различить несколько локальных славянских районов. Один из них совпадает с Поросьем, Росью и Росавой, второй захватывает верховья реки Псел, Ворсклы и Северного Донца. Этот район подступает почти к ареалу салтовской культуры, но, несомненно, является протосеверянским. Здесь налицо какое-то соседство двух различных этнических массивов. Русы — это племена, жившие по соседству с внутренними болгарами, в самых верховьях Северного Донца и далее на запад от этой территории вплоть до Киевщины. Этот район может многое дать для понимания древнейшей культуры Руси, которая, как правильно отметил автор, должна рассматриваться только как Русь южная. Ареал этой южной Руси намечен автором совершенно правильно. Вызывает возражение мнение автора, совпадающее с выво-

дами И. И. Ляпушкина о том, что анты-славяне появились на Дону и на Тамани только в X в., так как там имеется ряд более древних антских поселений.

В заключительных главах П. Н. Третьяков убедительно доказал, что колонизация славян была направлена не в северо-восточные леса, как это утверждал Ключевский, а на юг—лицом к цивилизованному миру. Можно только добавить, что эта волна движения славян на юг была не первой, а второй, может быть, даже третьей волной, что славяне шли по пути своих предков. Связи Северного Донца с Южным Доном и Таманью автором окончательно не установлены.

Книга П. Н. Третьякова является прекрасным синтезом большого археологического материала. После выхода этой книги позиции миграционистов, сторонников выведения славян из одной прародины, расшатаны до конца.

Чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцов отметил большое значение для историков книги П. Н. Третьякова. Это—сводная работа, освещающая важнейший этап в истории восточного славянства, завершением которого было создание Русского государства. Трудно в одной работе охватить огромный промежуток времени—около 4 тысяч лет. Естественно, что не все вопросы в книге разработаны хотя бы до предварительного разрешения. Работа, написанная ясным, простым языком, дает сводку современного состояния вопроса в области истории и археологии и правильно освещает проблемы истории восточного славянства. Главные возражения имеются по первой части—«Происхождение славян». Нельзя полностью согласиться с утверждением автора: «Нет никакого сомнения, что в охотничье-рыболовческих племенах лесного северо-востока следует видеть прежде всего отдаленных предков угрофинских племен и народов; в племенах степи—далеких предков последующей свиты кочевнических племен, история которых тесно переплеталась с историей кочевников азиатских степей; древнее земледельческое население Центральной Европы—это далекие предки европейских племен и народов, как некогда существовавших, а затем исчезнувших, так и современных». Во-первых, сам автор помещает на территории охотничье-рыболовческих племен дьяковскую культуру, один из центров образования славянства. Следовательно, в западной части эти охотничье-рыболовческие племена развились не в угрофинские, а в славянские племена. Во-вторых, в степях после III тысячелетия жили не только кочевники, а, например, люди «срубной» культуры. Термин «европейские племена» расплывчат. Автор говорит о трех слагаемых культуры скифского Причерноморья—местной, греческой и восточной. Но термин «восточная»—слишком неопределенный. Неясно, что имеет в виду автор—урарийское или среднеазиатское влияние. Нельзя говорить, что все скифские племена произошли в результате скрещивания древнего исконного населения с пришедшими с востока племенами. Скифы-земледельцы, геродотовские скифы-сколоты, были автохтонным населением, а вовсе не продуктом скрещивания с пришлыми племенами, и влияние кочевников на них было ограниченным. Новое размещение скифских племен, предложенное автором, должно им быть лучше обосновано, так как, вопреки установившемуся мнению, скифы-пахари помещены южнее скифов-земледельцев. Карта «Европа в первые века нашей эры», приводимая автором, составлена вовсе не по Птолемею, как он указывает, а по какому-то немецкому атласу и отражает националистические тенденции немецких ученых, отводящих германским племенам огромную территорию, которую они вовсе не занимали, неверно причисляющих лугийские племена к германским и отводящих им только незначительную территорию в верховьях Вислы. Автор напрасно разделяет точку зрения Шахматова о том, что в языке венедов—предков славян—много элементов кельтского языка. На самом деле венеды вовсе не кельтское слово, да и вообще венеды не имели тесного соприкосновения с кельтами.

Рано для первых веков нашей эры говорить об объединениях государственного характера у сарматов, готов, бастарнов. В частности, никакого единого государства у готов не существовало, а были в различные периоды временные объединения готских племен и деление на вестготов и остготов, связанное, по видимому, с их географическим расселением. У автора существует некоторая переоценка единства готов. Вестготы не уклонялись от борьбы с гуннами, а вынуждены были отходить под угрозой

окружения гуннами. Неверно утверждение автора о том, что вне возникновения «Великого переселения народов» славяне не вступали в борьбу с Римской империей в качестве самостоятельной политической и военной силы. Известно, что обширный прикарпатский союз славянских племен во главе с карпами самостоятельно воевал с римлянами уже в III в. Готы же не играли главенствующей роли в столкновениях причерноморских племен с Римом. Уже в начале «Великого переселения народов» славяне самостоятельной военной силой выступали против римлян.

Продвижение племен в период «Великого переселения народов» происходило не только на север, как это утверждает автор, но и на запад.

К сожалению, автор ничего не говорит о взаимоотношениях славян с прибалтийскими народами, о взаимосвязях славян с литовскими, древнепрусскими и латвийскими племенами. Неосвещенным остался вопрос о трех центрах древней Руси, о происхождении украинского, белорусского и великорусского народов. Едва ли можно говорить сейчас об «этрuscoизме» в вопросе о происхождении русского народа. В этом вопросе с точки зрения более поздних взглядов Марра его же более ранние взгляды должны быть несколько изменены.

Северян следует связывать не с сабирами, савирами или саспирами, а с саварами Птолемея. Вопрос о термине «Русь» нуждается еще в серьезной доработке. Ясно, однако, что термин «Русь» не только южного происхождения; его, по видимому, следует связывать с росоманами. Характеристика антского союза сделана автором совершенно правильно.

А. Д. Удадьков отметил, что в целом работа П. Н. Третьякова очень нужная, полезная и для археологов, и для историков.

Проф. Н. Н. Воронин отметил, что книга построена ясно, логично, с широкой исторической перспективой. Самое появление книги обусловлено большими успехами советской археологии. Важнейшие проблемы истории восточного славянства даны в боевом, полемическом стиле, с противопоставлением современной трактовки старым концепциям буржуазно-дворянской науки. Следовало бы только показать различные точки зрения современных исследователей на проблемы восточного славянства, а самую проблему этногенеза излагать более условно и гипотетично, так как ряд положений нуждается еще в более солидном подкреплении источниками.

Нужно было внести качественную разницу в характеристику сельского быта и общественного строя поры полей погребений, антского времени и эпохи сложения Киевской державы, чтобы не получилось впечатления, что общественный и хозяйственный строй славян оставался неизменным в течение всего I тысячелетия.

Нельзя говорить о том, что «оспки новгородских славян VI—VII вв. лишь «удерживают черты погребальной обрядности эпохи родового строя»,—они являются памятниками конца этой эпохи. Прав В. И. Равдоникас, утверждавший, что для лесной полосы стадия патриархального родового строя кончается в VIII—IX вв. Автор показывает исторический процесс более ускоренным, утверждая, что «северные и восточные племена сохраняют первобытные родовые формы общности до середины I тысячелетия». Отсюда следует, что вся вторая половина, т. е. VI—IX вв.—это время распада родовых отношений и формирования территориальной общины. К невероятно раннему времени—VII—VIII вв.—относит автор и возникновение городов как мест древних торжищ и центров притяжения ремесла и сложение типа рядовой многодворной деревни у северных племен, и торжество пашенного земледелия. Если представить себе, что пашенное земледелие столь рано восторжествовало повсюду вплоть до глухого севера и северо-востока, то странно, что установившиеся формы землепользования еще несколько столетий не оказывают значительного влияния на процесс классообразования. Кроме того, нужно резко различать лесной север и киевский юг в VI—IX вв. в отношении хозяйственного и социального развития.

Академик Б. Д. Греков в своем выступлении отметил, что книга обобщает огромный археологический материал и является чрезвычайно своевременной и полезной для историков.

Хотелось бы, чтобы деление на восточное и южное славянство не проводилось так

реакю; вероятно существование переходных типов, которые нужно учитывать. Археологам следует выяснить причину загадочного скопления вокруг Старой Руссы огромного количества терминов с корнем «Рус».

Возражения, сделанные автору проф. Н. Н. Ворониным, не убедительны. Н. Н. Воронин, опираясь на толкование Равдоникаса, стоит на точке зрения более позднего развития общества на севере нашей родины, считая, что там родовые отношения исчезают только в IX—X вв. Однако В. И. Равдоникас показал в докладе на сессии ИИМК Старую Ладогу VII в. как очень далекую от родового строя, и ему, видимо, придется пересмотреть всю свою точку зрения.

Раннее исчезновение родовых отношений подтверждается «Русской Правдой». В древнейшем тексте «Русской Правды», относящемся к VIII в., нет никаких указаний на патриархально-родовые отношения. В нем представлено классовое общество с лишь незначительными родовыми пережитками. Кроме того, нельзя говорить, что «Русская Правда» относится только к югу, так как географически она родилась в Киеве, но общественные силы, которые ее создали, были и на севере, и на юге. Нет оснований говорить об общинном землепользовании в наиболее развитых магистральных, тяготеющих к Днепру и Волхову. И «Русская Правда» и раскопки в Старой Ладоге показывают в полной мере индивидуальное хозяйство и частную собственность на землю. В районах, нам хорошо известных, которые мы называем термином «Русь», не было общинного землепользования. О сохранении общинного землевладения можно говорить только в применении к захолустью—где-нибудь на крайнем севере и крайнем востоке.

Неверно и утверждение Воронина о том, что установившиеся во второй половине I тысячелетия формы землепользования не оказывали влияния на образование классов. Пашенное земледелие, как это явствует из письменных источников, археологических памятников и фольклора, появилось очень рано. Земледелие было основным занятием славян, а земельные отношения—основным элементом в процессе классового образования.

О существовании городов в VII—VIII вв. данных очень мало, но они все же имеются, как, например, известна Ладога,—и автор вправе делать хотя бы предварительные выводы. Письменные источники и археологические данные говорят о том, что в VII—VIII вв. города начинают возникать, а в IX в. уже существуют.

В книгу П. Н. Третьякова можно внести ряд поправок. Но главное в книге то, что она дает такое широкое обобщение археологического материала, которое является этапом в нашей науке. Книга обобщает достижения науки за 30 лет и значительно поможет историкам в их работе.

Проф. В. В. Богданов сделал отдельные замечания по книге, касающиеся его специальности. Он отметил, что вряд ли правильно характеризовать ландшафты, учитывая только лес, при указанных огромных пространствах. Необходимо учитывать обмен и торговлю, при помощи которых по различным дорогам сельскохозяйственные культуры глубоко проникали в лесные массивы. Нужно также обратить внимание на технические культуры: лен, коноплю и т. д., так как в погребениях, например, гораздо чаще находят остатки льняной и конопляной одежды, чем хлебных растений.

Выражение «северяне» в летописях не встречается, в них употребляется термин «северы» или «севера». Автор мало обращает внимание на роль языковых делений у восточных славян, а это нужно сделать, в особенности в связи с работами академиков Н. Я. Марра и Н. С. Державина. Датировку следовало бы давать не только абсолютную, но и по культурам.

Проф. С. В. Киселев считает, что книга П. Н. Третьякова имеет большое значение не только для археологов, но и для историков. Она подытоживает огромный археологический материал и несет его в научные массы. При переиздании книги нужно исправить некоторые положения. Первую часть, тезисно излагающую огромный археологический материал, необходимо расширить, дополнить конкретными примерами, а иногда разбором некоторых важнейших проблем, как, например, Триполье, в боль-

шей степени, чем это сделано автором. Необходимо также показать существующие взгляды на различные проблемы, дать изложение живой современной полемики.

Следовало бы включить материал Восточной Европы в изучение культуры шнуrowой керамики, так как и фатьяновская и катакомбная культуры являются культурами шнуrowой керамики. Автор в данном случае следует за материалом западноевропейских ученых, исключаящих Восточную Европу из сферы распространения шнуrowой керамики. Что касается лесных племен, которые, по утверждению автора, являются до некоторой степени будущими угрофиннами, необходимо иметь в виду, что для Восточной Европы в период неолита рано говорить об угорском элементе, который не был автохтонным, а привнесен из Зауралья.

Культура сетчатой керамики и, прежде всего, дьяковская, имела прямое отношение к северным восточнославянским племенам, а не к финским племенным группам, потому что территориальное совпадение имеется в большей степени именно в отношении славянских племен. Конечно, в области чудских племен не-славянского типа также имеются дьяковские черты, но это только доказывает, что не одни лишь дьяковские элементы вошли в северо-восточный славянский этногенез.

Переход от древних общинных форм к форме соседских общин, судя по материалу городищ на Оке и Верхней Волге, происходил в VI—VII вв., что подтверждает мысль автора. Городища—укрепленные родовые поселки дьяковского типа, сменяются городищами-убежищами с группирующимися вокруг них отдельными поселениями, как, например, Юрвецкое городище, городище Лыткарино под Москвой и т. п. Эти изменения в форме городищ связаны с общественными изменениями. В силу распространения пашенного земледелия меняются общинные формы.

Необходимо устранить противоречие между утверждением автора о том, что скифы-земледельцы—это наследники тысячелетней земледельческой культуры Днепро-Дунайского междуречья, т. е. своеобразные потомки Триполья, и картой, на которой автор помещает скифов-скотоводов к северу от скифов-пахарей.

Нельзя делать Днепр непроходимой границей для расселения антских племен. И сведения византийских писателей и археологические материалы позволяют говорить о том, что антские поселения были также в степях между Донцом и Доном. В следующем издании книги необходимо больше уделять внимания культурным связям славянских народов со степью после «Великого переселения народов». На эти связи указывает и наличие дохристианской письменности в стиле рунической, как у тюркских кочевников, и аналогии в костюме и оружии воинов в конском уборе и совершенно не исследованное еще каганатство русских князей.

Проф. В. Д. Блаватский присоединяется к бесспорно положительной оценке книги и считает возможным сделать лишь несколько частных замечаний. В работе найден надежный и правильный путь для освещения исторического этапа, связанного с киммерийцами. Но наличие северо-западной группы киммерийцев в Причерноморье лучше аргументировать не связью их с трерами, как это делает автор, а прямой ссылкой на Геродота. Сама связь этих киммерийских племен треров с фракийцами может быть осмыслена в несколько ином плане, чем глубокое проникновение киммерийцев на Балканский полуостров. Не исключена возможность, что оно имело место через Малую Азию во времена хорошо исторически засвидетельствованного похода киммерийцев. Второе замечание касается карты городов Скифии. Скифы-земледельцы оказались крайне сжатыми, они занимают, по мнению автора, только нижнюю половину течения Буга. На самом деле они занимали, вероятно, несколько большее пространство, что и нужно будет в дальнейшем показать. Необходимо также уточнить положение автора о том, что до III в. до н. э. отношения между греческими городами и скифами были мирными, и только с III в. наступает полоса почти непрерывных войн. В действительности военные столкновения безусловно имели место и в IV в. до н. э., не говоря уже о том, что процесс формирования Боспорского государства был связан с рядом войн. Военные события были связаны с процессом формирования государственных образований как у греков Боспора, так и у самих туземцев. Имеются явные свидетельства о создании в IV в. до н. э. каких-то ранних государственных

форм, например царства Атея. Следовательно, правильно намеченный автором процесс нуждается в небольших хронологических уточнениях.

В работе правильно освещен вопрос о столкновениях славянства с Римской империей и вопрос о взаимоотношениях с Византией. Но необходимо, говоря о значении Рима и римских провинций как культурного фактора в росте южного славянства, уточнить, каким именно провинциям принадлежит в этом решающая роль. Нужно подчеркнуть, что главную роль в этом влиянии сыграли не романизированные, а эллинизированные провинции, а затем Византия.

В самом заключительном слове П. Н. Третьяков отметил, что по принципиальным конгрессам его концепции было только одно возражение со стороны проф. Н. Н. Воронина. Автор не согласен с концепцией Н. Н. Воронина. Если считать ее правильной, то получится какой-то невероятный скачок: в течение только 100 лет восточнославянские племена из дикарей превращаются в очень для своего времени цивилизованных европейцев (водопровод, искусство и т. д.). Это неверно с точки зрения представлений об явлениях исторического процесса, и с точки зрения логики. Процесс распада родовых отношений, процесс классовобразования, процесс сложения ремесел—все эти процессы длились тысячелетия. Раскопки полей погребений вскрыли большое количество римского стекла, фибулы, римские монеты в области среднего Причерноморья. Это все предметы не только первобытной общины, они свидетельствуют о формирующемся классовом обществе.

Нельзя отрицать, как это делает А. Д. Удадьцов, и наличие государственных образований у сарматов и готов. Были они и у скифов, что подтверждается раскопками в Неаполисе, были они и у сарматов, принимавших большое участие в жизни Боспорского государства и обитавших вокруг него. На территории Причерноморья в первые века нашей эры шел процесс классовобразования, а следовательно и процесс государственного образования. Численность готов была невелика и не означала смены населения, хотя бы и в очень ограниченных районах побережья Черного моря. Лишь имя готы, как собирательное, быстро распространилось для обозначения варварских племен всего северо-западного Причерноморья. Готами назывались сборища различных племен. Готский племенной союз—это варварское государство, а у германцев общественное развитие было несравненно более отсталым, чем по берегам Черного моря.

Процесс классовобразования и государственного образования шел на берегах Черного моря быстрее и раньше, чем это сейчас часто думают.

Автор не согласен с проф. Б. А. Рыбаковым в том, что грань между северными и южными восточнославянскими племенами стерлась только тогда, когда было достигнуто государственное объединение. Процессы этнического и государственного объединения шли независимо друг от друга.

Автор, как и Б. А. Рыбаков и С. В. Киселев, считает, что анты—это южные славяне, и не ограничивает их расселения Днепром. С Б. А. Рыбаковым автор не согласен в вопросе о соотношении антов и Руси и считает, что Русь—это те племена, которые не являлись наиболее активной частью антского союза, а были, может быть, какой-то частью, которая иногда включалась в союз, а иногда и не включалась. Если бы эти племена—русы—являлись активной частью антского союза, вещи, относимые к антскому времени, тянулись бы к Дунаю, а этого не наблюдается.

До X в. на Тамани и в притаманских городах, бывших международными рынками, могли жить анты или славяне, но, как массивное и постоянное, славянское население появилось там, и не надолго, только в X в.

Правильно замечание о необходимости освещения вопроса о взаимоотношениях славян с прибалтийцами, так же как и мнение А. Д. Удадьцова о продвижении племен в гунское время не только на север, но и на запад. Последнее нуждается в подтверждении археологическими фактами. Что касается северян, то этот термин восходит к сарматам.

Правильно замечание проф. Богданова о том, что не использованы языковые данные. Но это сделано сознательно, потому что за последнее время наши лингвисты

ничего нового в вопросы о происхождении славян не внесли, за исключением курса лекций Филина и работы проф. Аванесова. Лингвисты должны вплотную заняться разработкой этих проблем.

Северные славянские племена формировались не только на культуре сетчатой керамики городищ верховья Оки, но и на другой культуре, включающей район Десны и верхнего Поволжья. А основной массив племен с сетчатой керамикой—Костный Яр, Нижняя Ока, дальше к северу и к Эстонии—это другая территория. В днепровских городищах стадо состояло из крупного рогатого скота и свиней, а в районе сетчатой керамики на первом месте лошади и свиньи. Следовательно, между этими городищами было хозяйственное различие. Основной компонент формирования северных славян—дьяковские городища, а городища с сетчатой керамикой вошли в состав компонентов, но не были основными.

Правильно замечание В. Д. Блаватского о том, что войны в Причерноморье начались еще в IV в. до н. э. III век до н. э. взят как примерный рубеж новых взаимоотношений скифов и причерноморских городов. Совершенно верно замечание о необходимости уточнить, о каком именно восточном влиянии на скифов и о каком римском влиянии на славян идет речь.

Кроме сделанных выступавшими замечаний, автор сам считает возможным отметить недостаточное освещение в своей книге славяно-сарматской проблемы и малое использование антропологического материала.

В заключение председательствующий чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцов подчеркнул плодотворность обсуждения книги проф. П. Н. Третьякова для разработки вопросов славянского этногенеза и истории нашей родины в I тысячелетии нашей эры.

Г. Б. Федоров

АРХЕОЛОГИЯ, т. I, Изд. Института археологии Украинской Академии Наук, Киев, 1947, 198 стр.

В 1947 г. Институт археологии Украинской ССР возобновил издание своих трудов выпуском в свет т. I «Археологии».

Издание это богатством и разнообразием своего содержания свидетельствует о том, что украинские ученые, несмотря на тяжелые условия, в которых они находились во время войны, не прекратили исследовательской деятельности, а продолжали разрабатывать важнейшие вопросы истории своей родины.

Сборник, по характеру содержащихся в нем публикаций, распадается на несколько разделов, из которых важнейшими являются исследовательские и историографические статьи, подводящие итоги некоторых археологических исследований за время существования Советской власти на Украине, а также публикации ранее не обнародованных раскопочных материалов и отдельных памятников.

Из открывающих сборник статей наибольшее внимание привлекают исследования М. Руденского в области верхнего палеолита Украины в связи с публикацией раскопок Пушкаревской палеолитической стоянки («Пушкарівський палеолітичний постя і його місце в українському палеоліте», стр. 7—22) и Б. Н. Гракова о торговых сношениях города Ольвии с Поволжьем и Приуральем в архаическую и классическую эпоху («Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи?», стр. 23—38).

В первой из названных работ наряду с вопросами стратиграфии и хронологии этого весьма обширного по занимаемой территории и одного из самых значительных на Украине по количеству добытого материала палеолитического поселения, относимого автором к позднеориньякскому времени, поднимаются вопросы происхождения культурных связей украинского палеолита. Автор указывает, что на примере